

С.П. Постников, М.А. Фельдман

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ РАБОЧИХ УРАЛА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

Появление ряда крупных отечественных и зарубежных исследований, посвященных различным проблемам истории рабочих промышленности дореволюционной России и СССР, свидетельствует о возрождении интереса исследователей к еще недавно наиболее популярной тематике советской исторической науки¹. Такое явление представляет частный случай общего динамичного развития исторической науки в России, доказавшей свою жизнеспособность, опровергающей, по справедливому замечанию А.Н. Сахарова, получившие распространение в 90-е гг. XX века заявления о кризисе современной российской исторической науки².

Особо значимы для судеб модернизационных процессов в нашей стране социо-культурные трансформации. Невозможно понять специфику модернизации, глобальной социальной трансформации при переходе от традиционного к современному обществу в России вне социо-культурного контекста, сложившегося исторически³. История промышленных рабочих – значительного социального слоя дореволюционной эпохи, наиболее многочисленного класса советского общества – позволяет проследить разнообразные и зачастую противоречивые социо-культурные процессы, протекавшие в период раннеиндустриальной модернизации. В недавнем прошлом социо-культурные процессы рассматривались исключительно под уг-

лом зрения классового или имущественного расслоения в обществе. Отказ от идеологических догм позволяет акцентировать внимание на выяснении подлинной картины существующих в обществе социальных групп, уточнении конкретных связей между этими группами, фиксирующими общественное положение, права и обязанности, статус и престиж индивидов и социальных организаций. При этом культура рассматривается в качестве неотъемлемой характеристики человека как социального существа и неразрывно связана с социальным поведением индивидов, составляющих определенную социальную группу.

Наше обращение к указанной теме обусловлено не только логикой собственных исследований. В литературе начала XXI века сохраняются устойчивые штампы, адресованные соответствию дореволюционного рабочего класса Урала критериям рабочих индустриального общества⁴, отдельным характеристикам социо-культурного уровня рабочих Урала⁵. Недостаточно разработано само понятие «социо-культурный уровень». Как представляется, многое в понимании названных характеристик зависит от выяснения степени завершения промышленного переворота на Урале. Проведенный нами анализ промышленного переворота на Урале привел к следующему выводу. К 1914 г. в промышленности Урала качественные изменения в технологии, технике, энергетических мощностях, соответствующие понятию «технической стороны промышленного переворота», произошли на нескольких крупных предприятиях металлургии и металлообработки Урала; в отдельных подотраслях горной промышленности (добыча меди, золота, платины). С учетом роли названных предприятий можно говорить о весомых успехах процесса промышленного переворота в этих отраслях к 1914 г., но не о его завершении. Наш вывод подтверждается и состоянием транспортной инфраструктуры в крае⁶, и сохранением древесноугольной металлургии в качестве базовой отрасли региона, что в принципе затрудняло завершение промышленного переворота.

Что же касается горнодобывающей отрасли, то специалисты прямо указывали на слабую механизацию уральской горной промышленности, «в которой главная масса работ до сих пор ведется довольно примитивно, главным образом за счет мускульной силы рабочего»⁷. В горнодобывающей отрасли, за исключением добычи платины, следует говорить лишь о начальной стадии промышленного переворота. В еще большей степени такой вывод касается лесозаготовок.

Неравномерность развития, незавершенность промышленного переворота в индустрии Урала в целом не могли не сказаться на социальной стороне промышленного переворота. На несовпадение процессов техниче-

ской и социальной сторон промышленного переворота, в частности, на оставание хода формирования рабочего класса еще в 1958 г. указал видный советский историк Л.М. Иванов⁸. Пример Урала служит наглядным подтверждением этого тезиса. Так, на едва ли не самом передовом предприятии региона – Надеждинском заводе – к 1914 г. большую часть контингента металлургов составляли «привозные рабочие, главным образом, зыряне и татары», срок работы которых, как правило, не превышал года⁹. Удельный вес местных рабочих составлял всего 40–50%¹⁰. Только формировались рабочие коллективы новых медеплавильных заводов Урала, построенных перед войной. Например, на крупном Нижне-Кыштымском заводе на 1 января 1914 г. насчитывалось всего 338 рабочих¹¹. Основную массу шахтеров Урала до 1912 г. составляли крестьяне-отходники приуральских и Казанской губерний. Процесс формирования постоянных рабочих кадров в отрасли был прерван масштабной мобилизацией в армию летом 1914 г.¹²

Незавершенность промышленного переворота в регионе не могла не сказаться на слабом развитии капиталистических отношений в регионе, на снижении удельного веса Урала в российском промышленном производстве с 6,5% в 1887 г. до 4,9% в 1900 г. и 3,8% в 1912 г.¹³ и, как следствие, на характеристиках тех, кого историки традиционно относили к рабочему классу Урала. В этом массиве наши исследования¹⁴ позволяют выделить следующие социальные группы рабочих:

1. Рабочие индустриальной эпохи. Отличительные черты названной социальной группы: это, прежде всего, рабочие металлургии и металлообработки; местные потомственные квалифицированные рабочие, связанные нередко со сложными технологическими операциями, относительно высокооплачиваемые, стремящиеся сохранять и передавать «по наследству», от отца к сыну, свои рабочие места. По нашим подсчетам, к ним можно отнести примерно 1/5 рабочих цензовой промышленности региона (т.е. около 60 тыс. чел). Специфику квалифицированных уральских рабочих-металлистов, как правило, местных, т.е. живущих длительный срок в одном поселении, определяли владение значительными земельными участками, собственным жильем, и – в казенных горнозаводских округах – гарантии социальной защиты. Эта категория рабочих отличалась от остальных по одежде, домашней обстановке, бытовому поведению, имела более высокий образовательный уровень. Для рабочих индустриального типа были характерны высокий уровень грамотности; значительная часть имела начальное образование, сближалась по условиям быта и внешнему облику с низшими служащими, была более близка к горожанам. У этой категории

рабочих преобладали реформистские настроения и прочные религиозные убеждения¹⁵.

2. Рабочие переходного этапа от мануфактурной к индустриальной эпохе. К ним относились примерно 150 тыс. чел., занятых на большинстве предприятий горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, связанных с обслуживанием машин и механизмов в горнодобывающих отраслях. Существовал целый ряд общих структурообразующих признаков: низкий уровень механизации производственных процессов и, как следствие, преобладание тяжелого ручного труда, фрагментарный характер социальной защиты. Среди рабочих этой категории немногим более половины составляли местные потомственные труженики. Также менее половины этого слоя составляли квалифицированные рабочие. Местные рабочие владели земельными наделами, но на правах пользования. Пришлые рабочие заведомо оказывались в положении маргиналов. Многие зависело от специфики конкретного завода, исторического и природного фактора. Рабочие переходного этапа от мануфактурной к индустриальной эпохе отличались невысоким уровнем грамотности. Жизнь в поселках обуславливала более долгое и полное сохранение обычаев и обрядов в их традиционной форме, удерживались и традиции аграрного земледелия. Если у местных рабочих старших возрастов сохранялись традиционно-консервативные, патриархальные убеждения, то молодежь и пришлые рабочие нередко были настроены на радикальные методы решения проблем. Для этой категории рабочих была характерна специфическая поселковая культура (например, на социо-культурный облик рабочих Нижнего Тагила существенное влияние оказывало проживание в поселке значительного массива старообрядцев)¹⁶.

3. Рабочие мануфактурной эпохи. Социальный облик этой социальной группы определяло подавляющее большинство рабочих горнодобывающей промышленности (почти 100 тыс.). Заметим, что даже в казенных округах рудное хозяйство оставалось маломеханизированным. Закономерно, что формирование отраслевых отрядов постоянных рабочих кадров на шахтах и рудниках не было завершено к 1914 г. На большинстве предприятий традиционными орудиями труда оставались кайло и лопата. Эта категория рабочих не имела собственного жилья, земельных наделов по месту проживания, получала зарплату ниже прожиточного минимума. Неграмотность, близкая к поголовной, лишала рабочих возможности пользоваться даже фрагментарной социальной защитой, воспринимать ценности культуры индустриального общества. Характерная деталь: как и в эпоху крепостного права, в 1913 г. горнопромышленники были обязаны заботиться и выплачи-

вать в течение года жалование 33.511 рабочим закрытых рудников. Фактически обширный социальный слой оказался на положении маргиналов. Рабочие мануфактурной эпохи отличались причудливым сочетанием крестьянских и поселковых элементов культуры, низкой грамотностью. Сказывалось и преобладание рабочих, пришедших на недолгий срок (полгода, год) на заработки. Горняки отличались равнодушием к событиям политической жизни. Глубина правовых, социо-культурных, имущественных различий у рабочих Урала носила долговременный характер, говорила о наличии различных социальных групп.

4. Рабочие домануфактурной эпохи. Особой социальной группой (примерно 130 тыс. чел.), составленной в основном из крестьян-сезонников, являлись вспомогательные рабочие за пределами заводской черты, прежде всего, занятые в лесозаготовительном производстве. Это сезонники, занятые заготовкой дров и древесного угля около 60 дней в году. Преобладание артельного труда, ручного производства и подвоза, временность занятости позволяет отнести эту группу к рабочему классу только условно.

Наличие столь различных социальных групп подводит к выводу о том, что понятие «рабочий класс Урала» применительно к 1914 г. следует рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. В противном случае надо каждый раз оговариваться, о каком же социальном слое рабочих идет речь. Историческая практика 1918 – 1919 гг. показала наличие существенных социально-политических противоречий между различными социальными слоями рабочих промышленности Урала (например, между рабочими индустриального типа, владеющими собственностью, и группами новых, маргинальных пролетариев). Все это привело значительные массивы рабочих и к красному, и к белому лагерям.

Представляется возможным уточнить социальную направленность вывода Н.Н. Алеврас о сохранении общинной психологии в рабочей среде Урала¹⁷. Высоко оценивая работу Н.Н. Алеврас как новый шаг на пути познания социального облика уральских рабочих, заметим, что в наибольшей степени сохранение общинной психологии следует корреспондировать к той производственной и социальной группе пролетариев, которую составляли «пришлые», малооплачиваемые, занятые тяжелым физическим трудом рабочие; к рабочим закрытых предприятий; к не имеющим ни собственного жилья, ни образования, ни самой возможности повышать свой культурный уровень. В наименьшей – к квалифицированным рабочим казенных округов¹⁸.

Рост образовательного уровня рабочих крупной промышленности Урала¹⁹, далеко не одинаковый у различных групп рабочих, тем не ме-

нее стал основой для более активного приобщения части пролетариев к культурным ценностям. Существовала весьма небольшая группа рабочих, участвовавшая в деятельности народных университетов и театров²⁰. Численность рабочих Урала, принимавших участие в примерно 40 любительских кружках и театрах, видимо, была близка к рубежу 400 человек²¹. В составе участников рабочих театров и драматических кружков преобладали квалифицированные, хорошо оплачиваемые рабочие, которые также доминировали в легальных профсоюзных организациях и просветительных обществах, появившихся перед Первой мировой войной²². Фактически принимать участие в работе культурно-просветительных учреждений могли не просто грамотные рабочие, а лица, имеющие, по крайней мере, законченное начальное образование, причем не усеченный двухклассный вариант земской народной школы²³, а хотя бы подготовку в объеме четырех классов. Однако такую подготовку даже на казенных заводах имели менее 10% рабочих²⁴. Этот показатель представляется гипотетической верхней границей диапазона рабочих казенных горнозаводских округов, принимавших участие в деятельности культурно-просветительских заведений накануне Первой мировой войны. Что же касается рабочих частновладельческих и посессионных округов, то здесь аналогичный показатель был значительно меньше. Так, в 1911 г. в Екатеринбурге из 1.228 читателей городской библиотеки им. Белинского рабочие составляли только 1%, т.е. 12 человек²⁵. Создание библиотек при Народных домах расширяло возможности привлечения рабочих в состав культурно-просветительных организаций. Например, в Пермской губернии народными библиотеками, созданными для малоимущего взрослого населения, пользовались 11% грамотных жителей, а среди 1.294 читателей библиотеки Народного дома в Перми насчитывалось 4,7% рабочих²⁶. Последний показатель типичен скорее для губернского центра: так, например, в Москве удельный вес рабочих среди всех читателей городской бесплатной библиотеки составлял не более 4%²⁷. Приведенные расчеты подтверждают заключение о малой вероятности допущения способности рабочих к выработке «самой передовой культуры».

Обратим внимание на дифференциацию рабочих по кругу чтения. Квалифицированные рабочие читали классику: любимыми писателями были Гоголь, Пушкин, Некрасов, Тургенев, Чехов, Короленко, Горький. На Урале был популярен Мамин-Сибиряк. Затраты на культурные потребности в рабочих семьях, даже в высоких бюджетных группах, не превышали 5,4% расходного бюджета²⁸. Вместе с тем большинство произведений классической литературы и драматургии интерпретировалось как про-

тест против социальной несправедливости, угнетения слабых сильными. Эти интерпретации только подчеркивались тем, что многие произведения были в свое время запрещены цензурой²⁹. У основной же массы грамотных рабочих излюбленным чтением оставалась лубочная литература, состоявшая из маленьких дешевых книжек. Характерно, что в годы Первой мировой войны произошло резкое увеличение тиража лубочных изданий. Ряд изданий, отличавшихся грубостью, безграмотностью, продавался в рабочих кварталах за копейку³⁰.

Мешало ли владение землей повышению профессионального и общекультурного уровня рабочих? К 1917 г. значительными, по меркам горнозаводских поселений, земельными наделами владели труженики казенных заводов. Между тем именно эта категория являлась наиболее квалифицированным отрядом рабочего класса России³¹. Процент уральских рабочих, имевших земельные наделы, повышался по мере роста квалификации, а именно: среди неквалифицированных рабочих металлургов он составлял 24,7%; у полуквалифицированных – земельными наделами владели 31,3 %; у квалифицированных – 37,6%; у высококвалифицированных – 38,8%. Близки к этому были показатели у рабочих каменноугольной отрасли³². Характерным было и то, что **80,7% рабочих-металлургов, имевших земельные участки, являлись потомственными рабочими**. Среди рабочих-металлургов, не владевших землей, удельный вес потомственных рабочих был ниже и составлял 64,2%³³. Таким образом, владение землей в тех размерах, какими располагали рабочие Урала, не препятствовало росту профессионального мастерства. Более того, личное хозяйство рабочих в определенной степени компенсировало недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, помогало приспособиться к трудным природным условиям. Сказанное позволяет сделать вывод: в исторической литературе недавнего прошлого за «чистых пролетариев» признавался массив рабочих, менее других приспособленный к жизни уральского городского поселения и завода.

Проблемы изучения политических взглядов рабочих Урала в первые десятилетия XX в. традиционно привлекали внимание большего числа исследователей. Вместе с тем существует ряд принципиальных вопросов, ответы на которые в современной исторической литературе либо отсутствуют, либо нуждаются в дополнительном изучении. По оценке И.В. Нарского, если в последние предвоенные годы леворадикальные партии поддерживали примерно 10% населения Урала, то в среде рабочих этот показатель, судя по выборам в IV Государственную Думу, составил 42,9%³⁴. Степень политизации рабочего класса превосходила степень во-

влеченности рабочих в политические партии. На долю РСДРП приходилось в 1911–1916 гг. 55% членов всех партий на Урале, но более двух третей политических организаций в заводских поселках. Это позволяло небольшому числу социалистов (1200 социал-демократов и 800 эсеров) удерживать влияние в рабочей среде. Распространение политическими партиями среди рабочих легальной и нелегальной литературы; вовлечение пролетариев в кружки, где изучались политические вопросы, можно было бы назвать школой политического воспитания, если бы не одно «но»: политизированный слой рабочих настраивался на разрушение государства.

Рабочие казенных округов в своей массе отвергали леворадикальные настроения³⁶. Приведем как характерный следующий факт, относящийся к событиям последних предвоенных лет. Из-за вражды коренных и пришлых рабочих в поселке Мотовилихинского завода местное волостное правление постановило и предоставило горному начальнику завода прошение, в котором просило принимать на работу только коренных рабочих. Горное начальство согласилось на это. Хотя согласие носило временный характер³⁷, перед нами уникальный по своей значимости документ, показывающий приоритет ценностей (в данном случае сословного порядка) для рабочих одного из крупнейших заводов Урала. Таким образом, раскол имущественный, культурный дополнялся расколом в области политического сознания. В целом, мировосприятие различных слоев рабочего социума Урала представляло собой сочетание элементов консервативных, патриархальных, реформистских и революционных воззрений³⁸. Отметив преобладание консервативно-патриархальных представлений у пролетариев, О.С. Поршнева сводит диапазон влияния леворадикалов в 1914 г. к «тесному кругу членов подпольных организации и связанных с ними рабочих»³⁹.

В условиях крушения монархических политических сил, разграничения сфер деятельности буржуазных и социалистических партий весной 1917 г. произошел определенный сдвиг симпатий рабочих Урала к представителям умеренных левых партий. Так, в Златоусте, Ижевске, Мотовилихе, некоторых других рабочих центрах казенных горнозаводских округов крупнейшими партийными организациями стали эсеры⁴⁰. Поляризация в рабочей среде была усилена в ходе выборов в Учредительное собрание. Наивысший процент голосов большевики собрали на тех частновладельческих заводах Южного Урала, где и в годы экономического подъема сохранялись кризисные явления, а рекордсменом (90 %) стал Миньярский завод, где так и не были созданы больничные кассы, а напряженность в отношениях рабочих и администрации вылилась в полугодовую забастов-

ку в 1916 г.⁴¹ Неслучайно Миньярский завод стал подлинной колыбелью большевизма, дав в 20-е годы ряд руководителей Уральского обкома ВКП(б) (Д. и А. Сулимовых, К. Рындина, Бычковых, Зеленцова, Шведова и др.).

Иная картина сложилась на выборах в Учредительное собрание в заводских поселках казенных горнозаводских округов. Уровень влияния левых здесь был иной: от 50% на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах до 20% на Боткинском. Аналогичная ситуация сложилась в ряде старинных горнозаводских центров с устоявшейся социальной структурой, наличием земельных наделов у большинства рабочих (Чусовой, Ревда, и др.)⁴². Характерно, что и в исторических исследованиях советского периода, правда, в приглушенной форме отмечались сдержанные успехи большевиков среди названной категории рабочих⁴³.

Революционный 1917 г. дал толчок новым процессам в развитии рабочего класса России. Социальный слой политически активных рабочих покинул производство и вошел в различные управленческие структуры. Заметим, что разница между управленческими и общественными органами в конце 1917 – начале 1918 гг. носила еще довольно условный характер. Так, представители профсоюзов по статусу входили в состав совнархозов и советов рабочего контроля, других формировавшихся звеньев госаппарата; выступали в качестве резерва пополнений управленческого корпуса. Вызывает особый интерес показатель удельного веса рабочих в органах общественного управления. По данным промышленной переписи августа 1918 г., на Урале (материалы были представлены только по Вятской губернии) этот показатель составил 4%⁴⁴. Характерно, что к концу Гражданской войны показатель удельного веса рабочих Вятской губернии, покинувших производство и работавших в различных управленческих структурах, составляет также 4%⁴⁵. Таким образом, можно допустить, что, по крайней мере, 4% уральских рабочих покинули трудовые коллективы и влились в управленческую элиту советского общества в первые годы советской власти.

Основу этого слоя рабочих, как свидетельствует мемуарная и биографическая литература⁴⁶, составили люди, искренне верившие в справедливость нового строя, внесшие немалый вклад в реализацию социальных программ советской власти. Немногочисленность сохранившихся источников, несущих информацию по социальному составу рабочих-членов деловых советов предприятий, вызывает особый интерес к коллективному портрету членов делового совета Очерского завода, составленному нами на основе контент-анализа 187 биографий рабочих. В январе 1918 г. 81%

членов делового совета являлись рабочими по социальному происхождению; 88% – уроженцами Очерского уезда; все члены совета приступили к работе на предприятии в годы Первой мировой войны, из них 86% – в 1915–1917 гг. Таким образом, членом делового совета, как правило, являлся пролетарий с небольшим производственным стажем, выходец из местного уезда⁴⁷.

Неоднородность политических симпатий рабочих Урала привела и к различным линиям политического поведения в годы Гражданской войны. Рассмотрим данные об участии рабочих Урала в строительстве Красной армии в первой половине 1918 г., в т.н. добровольческий период, в котором преобладала собственная активность социальных слоев и групп. Сопоставление численности добровольцев из рабочих, ушедших в Красную Армию, с численностью пролетариата по губерниям Урала приводит к выводу о неравнозначности поддержки рабочими красного лагеря в зависимости от экономико-географического района и ведомственной принадлежности предприятия. Так, на Южном Урале (Оренбургская и Уфимская губернии), где преобладали частновладельческие округа, а среди предприятий существовало немалое количество устарелых заводов, в Красную Армию вступили 21,3% рабочих. На Западном Урале, в Пермской и в Вятской губерниях, где располагались крупные казенные заводы, этот показатель составил соответственно 3,9% и 6,8%, а в целом по Уралу – 8%. Характерно, что на крупнейшем на Урале, бывшем казенном Ижевском заводе в Красную Армию добровольцами записались около 1% рабочих⁴⁸. На Среднем Урале известны сведения об участии рабочих в Красной Армии, но к моменту окончания военных действий на Урале, по данным с 28 заводов (апрель 1920 г.), число семей красноармейцев составляло примерно 1/5 от числа семей всех рабочих⁴⁹.

Мы располагаем отрывочными данными о поддержке рабочими края Белого движения. Относительно ясную картину дают сведения по крупным казенным заводам. Так, из 19 тыс. рабочих Ижевского завода, трудившихся в 1928 г., 4243 воевали у белых; 4000 – у красных. Обследование того же года на Мотовилихинском заводе показало, что более 26% рабочих «либо служили у белых, либо были неизвестно где»⁵⁰. Выскажем предположение, что в 1928 г. за уклончивой формулировкой «неизвестно где» чаще скрывалась служба в той или иной форме в Белой армии. Сводка ОГПУ (1922) сообщала, что «35% рабочих Вот-кинского завода имеют плохое прошлое и смотрят на все проводимое с критической стороны»⁵¹. Как видно, минимум четверть рабочих казенных заводов поддержала белых. Известно о формировании частей Народной армии

Комуча из рабочих Оренбурга, Златоуста, Сатки⁵². В целом же вопрос об участии рабочих в белом лагере требует дополнительного изучения.

Как видно, ни в одном промышленном развитом районе России раскол в обществе не проходил так глубоко и рельефно, как в рабочей среде на Урале. Мировая война и революция 1917 г. усилили имущественный и культурный раскол среди рабочих и дополнили его расколом политическим. Традиция разрешения социальных конфликтов путем подачи жалоб и петиций сменилась в годы Гражданской войны преобладанием насильственных методов. Вместе с тем, только меньшая часть рабочих Урала приняла активное участие в Гражданской войне. В целом, драматический период российской истории сузил возможности для культурной трансформации всех социальных групп рабочих в рамках индустриальной модернизации.

В свете проведенного нами анализа становится очевидной необходимость дальнейшего глубокого изучения социо-культурного уровня рабочих Урала, его трансформаций в ходе модернизационных процессов конца XIX – первых десятилетий XX вв., сравнительного анализа облика уральских рабочих до и после 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробно: *Соколов А.К.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история, 2003. №4, 5.
- ² См.: *Сахаров А.Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории, 2002. №8. С. 4-5, 16.
- ³ *Алексеев ВВ.* Введение // Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. М., 2000. Сб.
- ⁴ См.: *Гаврилов Д.В.* Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, 2003. С. 5-22.
- ⁵ См., например: *Коробков Ю.Д.* Социо-культурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX - начало XX века). Авто-реф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2003.
- ⁶ *Мусихин В.Е.* Транспортный кризис и его влияние на состояние топливно-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914-1917 гг. // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 221-222.
- ⁷ См.: *Шефтель А.* Тепловое и силовое оборудование Урала // Горный журнал. 1925. №7. С. 558.

- ⁸ Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1958. №4.
- ⁹ Материалы по районированию Урала. Т. III. Свердловск, 1923. С. 180.
- ¹⁰ Буранов Ю.А. Промышленность и рабочие Урала в 1890-1917 гг. (по материалам Богословского округа). Дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1967. С. 56.
- ¹¹ См.: ГАСО.Ф. 1 -р. Оп. 1. Д. 108-а. Л. 142 - 143.
- ¹² Дмитриев В.А. Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900-1917 гг.) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 71, 72
- ¹³ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX - 30-е гг. XX в). М., 1994. С. 63, 121, 169, 209, 280.
- ¹⁴ См.: *Постников С.П.* Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале. Свердловск, 1990; Он же. Формирование городского образа жизни // Опыт Российских модернизаций XVIII - XX века. С. 227-243.; *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала, 1914-1941 гг. Екатеринбург, 2001.
- ¹⁵ См.: *Бехтерева Л.Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2.
- ¹⁶ См.: *Крупянская В.Ю., Полещук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX - начала XX в.). М., 1971.
- ¹⁷ См.: *Алеврас Н.Н.* Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // Урал в событиях 1917-1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 167.
- ¹⁸ Там же. С. 170.
- ¹⁹ См.: *Фельдман М.А.* Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1914-1926 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000.
- ²⁰ *Загайнова В.Л.* К истории изучения культурных запросов рабочих Урала (рабочий театр в конце XIX - начале XX в.) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII - начала XX вв. Свердловск, 1987.
- ²¹ См.: *Ольховая Л.В.* Из истории рабочих культурно-просветительных организаций на Урале. 1905-1914 гг. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 134.; *Загайнова В.Л.* К истории изучения культурных запросов рабочих Урала (рабочий театр в конце XIX - начале XX вв.). С. 48.
- ²² *Свифт В.* Рабочий театр и «пролетарская культура» в предреволюционной России. 1905-1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 - февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 169, 179, 194.
- ²³ Обзор Пермской губернии за 1914 г. Пермь, 1915. С. 123.

- ²⁴ Подсчитано по: Производственно-технический журнал завода им. Молотова. 1932. № 16-17. С. 8-9.
- ²⁵ *Коган Л.Н.* Ведущая роль рабочего класса в создании и развитии культуры социализма. Л., 1969. С. 6.
- ²⁶ *Андреева Т.А.* Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями. (1906-1916) // Народное образование на Урале в XVIII-XX вв. Свердловск, 1986. С. 136.
- ²⁷ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г). Екатеринбург, 2000. С. 154.
- ²⁸ *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 287-288.
- ²⁹ *Свифт В.* Рабочий театр и «пролетарская культура» в предреволюционной России, 1905-1917 гг. С. 167.
- ³⁰ *Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе. // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 310-311; *Крупянская В.Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 287.
- ³¹ См.: *Щацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (Конец XIX - начало XX в.) М., 1992. С. 49.
- ³² *Рашин А.Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата. М., 1940. С. 37.
- ³³ Там же. С. 35.
- ³⁴ *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 2. Челябинск, 1995. С. 284.
- ³⁵ *Нарский И.В.* Политические партии в российской провинции (Урал, 1901-1916 гг.). Челябинск, 1997. С. 127-128.
- ³⁶ Этого не скрывала и литература советского периода. См., например: *Дмитриев П.Н.* Динамика численности рабочих Ижевского и Боткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 238-241.
- ³⁷ *Степанов П.* Наделение земель горнозаводского населения Урала // Труды студентов эконом, отд. Петербургского политехи, ин-та. СПб, 1914. С. 62.
- ³⁸ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г). С. 161.
- ³⁹ Там же. С. 161-162.
- ⁴⁰ *Попов Н.Н., Московкин В.В.* Деятельность эсеров Урала и Западной Сибири после выхода из подполья весной 1917 г. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 228.

- ⁴¹ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 955. Л. 71-72.
- ⁴²См.: Борьба за победу Октябрьской Социалистической Революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 311; *Попов Н.Н., Бугров Д.В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 110; Зауральский край. 1917. 6, 8, 12 декабря.
- ⁴³См., например: *Каплюков В.В.* Борьба большевиков Урала с мелкобуржуазными партиями за влияние на массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1985.
- ⁴⁴*Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1974. С. 147.
- ⁴⁵Подсчитано по: *Лахман А.И.* Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции(1918-1920 гг.). Киров, 1981. С. 7, 12.
- ⁴⁶См.: 37-й на Урале. Свердловск, 1990.
- ⁴⁷Подсчитано по: ГАПО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-24.
- ⁴⁸Подсчитано по: *Дубленных В.В.* Историки об участии рабочих и крестьян Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г. // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 41, 43, 45; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 528-529.
- ⁴⁹Подсчитано по: ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 51. Л. 94об-95.
- ⁵⁰См.: *Русанов В.И.* Энтузиасты первой пятилетки. Ижевск, 1979. С. 20; ГАНИ-ОПДПО. Ф.620. Оп.10. Л.25.
- ⁵¹ЦДООСО. Ф. 1494. Оп.1. Д. 83. Л. 121.
- ⁵²*Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Оренбургское казачество в трех веках. Челябинск, 1999. С. 318.